

Фрагмент из романа

Inka Parei

Die Kältezentrale.

Schöffling Verlag, Frankfurt am Main 2011

ISBN-978-3-89561-107-0

с. 7-19

Инка Парей

Холодильный центр.

Перевод Татьяны Баскаковой

Мы называли это помещение холодильным центром. Оно было большое, 6 х 4 метра. Окна имелись только снаружи, в коридоре: бесчисленные маленькие четырехугольники, тянущиеся единой полосой над всеми прочими этажами. Насколько помню, окна всегда были грязные. Два дня из трех в небе над нами стояли клубы дыма из труб соседней теплоэлектростанции. Какие уж тут чистые стекла...

Наш начальник, поднявшись утром по лестнице, часто задерживался возле этих окошек. От письменного стола коридор за стеклянной дверью не просматривался; но когда я, работая в утреннюю смену, доставал из шкафчика над умывальником регистрационный журнал, чтобы расшифровать записи, сделанные в предыдущую смену, или когда (поскольку с утра не позавтракал) уже без четверти семь направлялся к шкафу-раздевалке, брал банку кофе, а оттуда шел прямо к холодильнику, – вот тогда мне и случалось увидеть Бухвальда.

Я сейчас вижу его перед собой: как он замирает на несколько мгновений, смотрит сквозь грязное стекло наружу. А то вдруг поднимет руку, ногтем скочерит что-то со стекла. С отвращением, отчужденно...

Что он думал в такие моменты и, конкретно, в то майское утро? Попался ли ему на глаза иностранный грузовик, который, покачиваясь, въехал на рампу – вообще ничем не нагруженный?

Мне остается еще двенадцать часов: чтобы понять всё, пережитое за последние дни; чтобы связать эти мысленные картины, собранные недавно, с другими – из глубинных слоев памяти. И чтобы потом сделать правильные выводы.

Наступил момент, ради которого я и затеял все это, однако раньше я представлял его себе по-другому. Я видел себя сидящим в комнате, снятой мною в Берлине неделю назад, – в голубом кресле, откуда можно смотреть на один из перекрестков района Веддинг. Здесь я собирался спокойно еще раз отсортировать все сведения, по-новому их упорядочить и продумать – снова и снова думать о той ночи двадцатилетней давности.

Рано или поздно я бы нашел ответ и позвонил Марте. Она бы ничего не сказала, поскольку ничего бы уже не ждала. Я бы сообщил ей деловым тоном всё, что мне удалось обнаружить. И почувствовал бы – по вздоху на другом

конце провода, – в каком напряжении она живет последние дни. Ее голос смягчился бы, как не случилось уже давно. Она спросила бы, как у меня дела; и потом, не переводя дыхания, – как я жил все эти последние годы. Мы бы посмеялись вместе, потому что вдруг оказалось бы, что накопилось так много всего, о чем можно друг другу рассказать; удивились бы, что мир состоит из такого множества мелочей, и задались бы вопросом, как мы вообще это выдержали: что так долго исключали из своей жизни все пустяки, делающие человека счастливым.

Но получилось не так, и придется с этим смириться. Я выброшен на незнакомый берег.

Чужая квартира, большое помещение, высокие потолки. Слева я вижу стену, покрашенную синей краской. Спортивные кубки, фотографии, газетная вырезка в рамке. Пожелтевшая лепнина. Шесть окон, прямо как в конференц-зале. Темно. Повсюду кровати, а перед ними растения; я мало что могу разглядеть, но людей тут определено много. Кашель. Шорохи. Кто-то давится пищей. Деревянный треск. Длинная негнущаяся фигура, бредущая к выходу. Характерные мужские запахи...

Я должен отсюда выбраться, и как можно скорее. Но прежде должен найти свои вещи.

Ненавижу просыпаться в незнакомых местах. Приходится снова и снова прилагать усилия, чтобы опознать собственное тело, и на сей раз это далось мне особенно тяжело. Веки слипаются, в легких при каждом вздохе покалывает. Я нервно ощупал себя: брюки еще на мне, наручные часы – тоже; а вот футболки нет, ее с меня сняли, и плечо чем-то перевязано. Мною овладевает паника; в голове – тупая боль.

Прежде чем попасть в эту комнату, я лежал в другой. Та была маленькой и узкой, с двумя кроватями, стоящими вдоль стены. Какая-то женщина – очень высокая и очень толстая, крашеная блондинка – принесла мне суп и попыталась стянуть с меня ботинки. Вы, значит, уже неделю здесь в городе, сказала она, мы думаем, что половину этого времени вы почти не спали. Честно говоря, увидев вас, мы задумались: как долго может человек обходиться без отдыха.

Я также припоминаю мужчину в жилетке и с совсем коротким конским
© 2012 Litrix.de

хвостом: он задавал мне вопросы, в просторной кухне, – это, наверное, было в самом начале. Посередине кухни стояла плита, как на предприятиях общественного питания; вдоль стен – кухонные принадлежности, на открытых полках.

Вы помните, сколько вам лет?

Сорок один.

Где родились?

В Галле.

Есть у вас удостоверение личности?

Да.

Почему вы его не носите с собой, вы его потеряли?

Оно в моей комнате.

А где ваша комната?

В Веддинге.

Где именно в Веддинге? Мы ведь как раз в этом районе. Близко отсюда?

Не знаю.

Как зовут вашу мать?

Я обязательно должен ответить?

Нет. Я только хочу проверить, что вы помните. Вы догадываетесь, каким образом попали к нам? Какой сейчас месяц?

Я не мог отвечать. Собственно, все это я знал, но знание оставалось недостижимым: нужные слова будто смыло каким-то потоком – потоком страха, который был мне чужд, но распространялся внутри, как жидкость.

Имел ли я, когда приехал в этот город, четко очерченную цель, точную задачу? Я думал, что да; может, это и стало причиной катастрофы. Сроку у меня было семь дней.

Семь долгих дней.

Теперь главное – не мешать мысли формироваться, дать ей пространство. Это лучше, чем бороться с отчаяньем: оно все равно останется, с тем большим упорством, а я в результате только устану. На ближайшем этапе появится жжение в глазах, похолодеют виски. От висков мне в голову вливается равнодушие, что опасно.

Бег наперегонки со временем. Как в фильме. Есть некая задача, герой должен кого-то спасти, он прокладывает себе путь сквозь толпу – к поезду, к банку или к телефону. Он бы справился, если бы не возникало столько

© 2012 Litrix.de

препятствий. Мелочных, но грозящих сорвать его план. Оставленный кем-то портфель. Очередь у окошка. Машина, перегородившая улицу. Собственно, уже слишком поздно, но отчаянье мобилизует новые силы. На заднем плане: песочные часы или дистанционный взрыватель.

Я должен разыскать человека, которого не видел двадцать лет: в городе, где больше трех миллионов жителей. Я знаю его имя, а больше не знаю ничего.

Долгое время я думал, что обойдусь без него. Я даже не знал, что он еще существует.

На бумажке, которую я носил с собой, значились имена тогдашних коллег по работе. Я не сомневался, что они мне помогут. Мы ведь знаем друг друга. Никто не устоит перед искушением поговорить о прошлом.

Завтра в шесть утра в больнице, где лежит Марта, заканчивается ночная смена. В семь утра завтрак, а спустя час начинается врачебный обход. К тому времени я должен получить какой-то результат, иначе вероятность, что Марта переживет ближайшие пять лет, снизится с восьмидесяти до двадцати процентов. Восемьдесят это хорошее число: за такую цель стоит бороться.

Я закрываю глаза, вижу свое лицо: воспаленный край века, светящийся, как раскаленная проволока, – когда это было? Когда я последний раз смотрелся в зеркало?

Другое место – не очень далеко отсюда, и не очень давно. Темно, если не считать тусклой красной лампочки; стены дощатые, как в сарае. Водопроводная труба, на которую я смотрю, – в то время как чья-то рука держит меня сзади за воротник, так что в горло вдавливаются пуговицы рубашки или еще что-то: холодное, твердое, металлическое. Грязный унитаз, к которому я приближаюсь, соскальзывая на колени после полученного сзади удара. Толчок покрыт следами ядовито-зеленой жидкости, светло-желтыми разводами мочи, а также мерзкими темно-бурыми пятнами: я вижу это сбоку; вижу и ножку, прикрученную к серым доскам черными винтами, которые, словно когти на лапах злобного чудовища, видятся все ближе – пока я не начинаю кричать, не издаю уродливый, дребезжащий вопль, который мне не поможет.

издали, как изображение на широкоформатном экране, будто ко мне она не имеет отношения. Вытянутая в длину, покрашенная в белый цвет, построенная возле железнодорожной насыпи с рельсами. Стекланный навесной козырек. Мой взгляд, приближающийся устрашающе быстро – как если бы я вообще не имел тела, как если бы был только объективом кинокамеры или разумной, чрезвычайно подвижной *точкой во Вселенной*, – на мгновение распознает мусор, голубиный помет и даже бороздки в стекле.

Красный гранит. Уличная слякоть. Отпечатки ног. Корзина для бумаг, потерянная перчатка. Кто-то сидит, прислонившись к стеклянной входной двери. Он с бородой, выглядит изможденным. Появляется второй персонаж; наклонившись вперед, рассматривает сидящего мужчину. У того на коленях развернута газета; а другая газета, промокшая, прикрывает его сумку. Бумага с набранным кириллицей текстом. Могу я вам помочь? – спрашивает новое лицо. Вы меня понимаете? Я вижу его совсем близко. Существо это дышит. И – дружелюбно улыбается; на подбородке у него ямочка. Да, говорю, я вас понимаю. Но я очень устал. Хотите, мы вас отвезем туда, где вы сможете поспать? Я киваю.

Последние несколько месяцев я провел в маленькой деревне на юге Германии.

В тот день, когда состоялся первый телефонный разговор с Мартой, я утром отправился с соседом в лес. Мы погрузили поленья в прицеп, который одолжили; часть из них я потом у него во дворе поколол помельче и под конец сложил дрова под козырек позади его дома, чтобы за лето они подсохли. Я, когда переехал туда, решил, что буду заниматься этим регулярно, раз или два в год. Может, тогда мне удастся немного сблизиться с людьми, которые здесь живут...

Телефон зазвонил громко и пронзительно, разорвав вялотекущий вечер. Ей, мол, ни к чему называть свое имя, она это знает.

Она сказала, что кто-то проговорился, как меня найти.

Значит, речь идет о чем-то серьезном.

Да. О серьезном.

Я не сумел себе объяснить саркастические нотки в знакомом голосе.

Скажи мне, где ты.

Не хочу, чтобы ты приезжал.

И все-таки скажи.

Когда она положила трубку, я стоял в тесных, темных сенях – неподвижный, словно рептилия. Я почувствовал, как прошлое медленно поднимается: откуда-то с большой глубины, словно вода, которая, постоянно прибывая, захлестывает мои ноги, живот, грудь и в конце концов начинает бултыхаться в голове. Я попытался оживить в памяти последние часы: такое вот маленькое отступление, чтобы выиграть время. Облачка дыхания в воздухе, еще холодном. Мои горячие пальцы в рабочих перчатках. Рывок, когда импульс, побуждающий расколоть полено, переходит от моего плеча к топору...

В спальне, в нижнем ящике шифоньера, лежали старые бумаги, свидетельства, мой дневник. Удостоверение сварщика 1985 года, полученные в армии водительские права, предусматривающие вождение грузовиков с грузоподъемностью свыше семи с половиной тонн, записная книжка. Я стал листать: имена, телефонные номера, адреса. Большая часть этих данных наверняка устарела.

Еще я нашел план Берлина 1991 года. Его я развернул, пробежал глазами указатель улиц. Ее больница располагается в Нойкёльне, почти на краю города. Я ощутил в желудке спазм страха – как подвижный серый ком и захотелось тотчас спросить, почему она не лежит в Шарите.

Второй звонок раздался через час.

Можешь послушать, что я скажу?

Конечно, да!

Ты еще помнишь тот грузовик?

Вопрос был настолько неожиданным, что я чуть отшатнулся и уставился на трубку. Она не спросила «Как дела?» или что-то подобное, а рывком, без предупреждения, распахнула дверь в прошлое. Восточный Берлин, 1986 год. Синее небо и редкие облака. Я только что отработал ночную смену. Мы с ней встретились на крыше, возле железной лестницы между градирнями. Она была странно взвинченной. Я там видела щетку, сказала; а еще – тряпку и канистру с какой-то жидкостью. Дышала она тяжело, и на шее проступили красные пятна, а глаза влажно поблескивали, и в тот момент она мне показалась очень красивой.

Ты не помнишь, как долго я пробыла в той машине?

Два или, может, три часа? Раковски взял тебя с собой, после полудня. Он

вызвался забрать из дома твоей матери старый сундук.

Нет, дольше.

Как это... дольше?

Она промолчала.

Ощущение, что мир, где ты живешь, рушится, возвещает о себе легким потрескиванием, которое ты ощущаешь всей поверхностью кожи: вот что мне снова пришло в голову в тот момент. А еще – тихий, похожий на щелчок звук, для других неслышный. Привычные человеку места, представления и мысли вдруг исчезают, и он вновь оказывается там, где, как ему мнится, находился в самом начале – в начале, которое ускользает от конкретных воспоминаний. Так было со мной тогда – и вот прошедшее с той поры время внезапно превратилось в ничто. Я, выходит, всегда стоял там: мое пребывание в этом Ничто так и не прекращалось...

Я съел что-то холодное, лег, взял телефон в постель. Может, *она* позвонит в третий раз. Это ее способ улаживать что-то такое, что уладить вообще невозможно. Я лежал и думал: я это выдержу. Так же, как она выдерживает меня, приспособляется ко мне – на протяжении всей жизни. Принимая те последствия, которые имела для нее встреча со мной.

В 1998-м я, впервые после долгого перерыва, вновь услышал ее голос. Я узнал, что после нашего развода она вернулась в Берлин, мы поболтали о том о сем. Потом разговор иссяк. И нам бы положить трубки, но ее голос все не умолкал. Я растерялся: подозревал, что она чего-то от меня хочет, но не понимал, чего именно.

Так было и в последующие годы: она звонила мне с нерегулярными промежутками. Я к этому привык. Думал, что, может, все дело в ее одиночестве.

Когда я поднял трубку в следующий раз, был уже час ночи.

В такое время? Ты никому не мешаешь?

Думаешь, мы еще можем его найти?

Дышала она тяжело.

Зачем?

А вдруг что-то бы выяснилось о людях, которых он знал.

Все это в прошлом.

Он был в том грузовике. А больше никого не осталось. Раковски умер.

Умер? Откуда ты знаешь?

Наводила справки по телефону.

Когда?

Да вот в последние два-три часа.

Я услышал, как она дышит. Посмотрел на себя: на свои ноги – тонкие, мерзнущие. Пижамы. Внутри – хилый экземпляр человеческой породы. Я подумал: тишина есть тишина, что днем что ночью, только по ночам она воспринимается иначе. Стоит подпустить ее к себе слишком близко, и она начнет бесконечно расширяться, а ты будешь каждое мгновение испытывать страх, что до следующего мгновения не выдержишься.

Что у тебя такое, собственно? Я имею в виду, какая болезнь?

Я думал, что просто спрошу ее об этом, самым обыкновенным тоном. Но так не вышло: я свой вопрос прохрипел, как будто заранее знал ответ; может, я его в самом деле знал.

Забвение функционирует по странным правилам. Я хочу сказать, что мы отодвигаем от себя *нежеланное*. А вовсе не то, к чему будто бы сводится наше *бессознательное*. Человек хватается за то, что его непосредственно окружает: это, дескать, моя работа, на работу я хожу каждый день. Вот моя квартира, моя кровать. Воздух, который я вдыхаю. Смотрите: солнце, сейчас оно как раз светит, только для меня... Человек живет без Прежде и После. При этом важно, чтобы пустое время всегда заполнялось деятельностью: нельзя позволять себе погружаться в размышления.

После звонков Марты я внезапно очутился на краю бездны, существование которой прежде всегда отрицал.